
детектив – событие

Читайте детективы Евгении Михайловой, в
которых истина и любовь побеждают
всегда, несмотря на самые тяжелые
испытания!

Сломанные крылья
Закат цвета индиго
Спасите наши души
Две причины жить
Апостолы судьбы
Последнее прости
Исповедь на краю
Танцовщица в луче смерти
Длиннее века, короче дня
Вечное сердце
Как свежи были розы в аду
Совсем как живая
Испить чашу до дна
Солнце в крови
Бегущая по огням
Темные тени нехорошей
квартиры
Во мраке сверкающих звезд
Город сожженных кораблей
Женщина с глазами Мадонны
Мое условие судьбе
Разрушительная красота
Плата за капельку счастья
Встреча в час волка
Роль любимой женщины
Верность как спасение
Ночная радуга

Евгения Михайлова

ВЕРНОСТЬ КАК СПАСЕНИЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Михайлова, Евгения.

М69 Верность как спасение / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-04-094326-5

Тоня мечтала помогать людям и готова была ради этого полностью изменить собственную жизнь. Но сможет ли она пожертвовать своим счастьем ради соперницы?

Кристина не знала, как избавиться от навязчивого поклонника, и обрадовалась, когда он пропал. Но потом она поняла, что Артемию нужна помощь...

Настя отказалась от блестящего будущего, чтобы быть рядом с любимым мужчиной, для Антона она была готова на все. Но оценит ли он ее жертву?

Мир жесток и несправедлив. Не каждый верит, что в нем есть место истинной любви и взаимопониманию. Евгения Михайлова на примере героев своих остросюжетных рассказов, обычных людей со слабостями и недостатками, показывает — пока человеческое сердце способно чувствовать чужую боль, мир не обречен, а счастье возможно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михайлова Е., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094326-5

ЗАВИСТЬ

Это была главная тайна Жанны. Самое важное и напряженное занятие, которое уверенно вытесняло все остальные. Зависть.

Зависть управляла всем. Подмяла под себя все чувства. Они возникали подчиненно, просто вытекали из той жгучей смеси, которую вызывали в Жанне люди — сначала некоторые, потом большинство, потом все. Ей казалось, что все люди лучше, счастливее и успешнее, чем она.

Жанна перестала ужасаться самой себе, понимая, к примеру, что она завидует маленьким детям, идущим с мамой за ручку или вопящим вокруг песочницы. Дети так ярко и нарядно одеты, с ними сюсюкают, им постоянно что-то предлагают: яблоко, мороженое, воду. Спрашивают, что они хотят на обед. У них дорогие игрушки, прекрасные велосипеды, электромобили, мобильные телефоны. Это так не похоже на скучное и суровое детство Жанны с эмоционально сухой и скупой до безумия матерью. Жанна проходила мимо детских площадок с бе-

зучастным видом и ловила приятные для себя моменты. Ребенок упал, больно ударился, ревет. Мать разозлилась, схватила малыша за руку, отшлепала. Настроение Жанны поднялось.

Мало кто догадывается о том, что можно завидовать инвалидам, больным и старым. Только Жанна знала, какие это разные, чаще всего эгоистичные люди, которые привыкли от всех ждать жалости, подарков, внимания, любой помощи и подачек. Только им дано спокойно лежать и смотреть любую чушь по телевизору, ожидая, пока что-то положат в клювики. А Жанне нужно что-то придумывать. Ей придется тяжело зарабатывать себе на жизнь. Никто не позаботится об ее образовании, никто не собирается за него платить. Никто не отведет за ручку в теплое место, где дают зарплату за сидение у компьютера.

Мать сказала: «Не забывай. В восемнадцать ты свободна от меня, я — от тебя. Ищи работу и подумай о своем угле. В твоей комнате будет наша с Васей спальня. После твоего дня рождения мы ждем ровно два месяца, потом меняем ключи на входной двери в квартиру».

Вася — это новый муж матери. Жанне восемнадцать исполнится через полгода. И у нее нет никого, ни одного человека, к которому можно было бы обратиться за помощью.

Нет, она, конечно, не пропадет. Не белоручка и совсем не дура. Предложений работы — масса. Но дело в том, что все работающие люди делятся всего на две

категории. Одни пашут за гроши, другие сразу попадают к кормушке, не потратив на это ни времени, ни сил.

Жанна была уверена, что у всех богатых и успешных людей есть могущественные покровители. И вторая удачливая категория — это не только детки чиновников, это все знаменитые и в чем-то преуспевшие люди.

Жанна могла бы петь, танцевать, руководить компанией, писать романы, стихи, рисовать картины. И если бы у нее были нужные связи, если бы кто-то вложил в нее большие деньги — тогда бы и она стала знаменитой. А все эти бредни про таланты — сказки тех, кто прикрывает ими жестокую и пошлую реальность, в которой никакой талант не нужен в принципе. За деньги можно любую бездарность или обычного человека раскрутить, чтобы получить еще большие деньги.

Жанна страстно ненавидела всех, чье имя попадалось на глаза на страницах газет и в Интернете, и эта ненависть становилась все слаще, все необходимее, давала сил, как терпкое и горькое вино.

Жанне противны были так называемые добрые люди, а на деле — лицемеры, которых все окружающие возносили, как святых. Ведь это тоже такая роль, и в конечном итоге каждый из них преследует корыстную цель. Жанна не считала себя жестокой и бесчувственной. Просто она никому не говорит, если ей жалко того, кому больно, страшно, одиноко. Она умеет читать выражения лиц, глаз, скованные движения. Она жалеет человека в тот миг, когда он того заслуживает. Когда лицо его ис-

кажено страданием, когда он бледен и боится смерти. Она поможет в этот миг. Но как только на то же лицо вернется румянец, глаза начнут радоваться всякой ерунде, руки протянутся за очередными подачками, — Жанна сразу с брезгливостью и презрением отвернется. Несчастье тогда несчастье, когда оно себе не изменяет. А потом начинается блаженное существование всеобщего иждивенца, которому бессонный и тревожный человек не может не завидовать. Нужна смелость, чтобы человек признался в этом сам себе. У Жанны такая смелость была.

Самым отчаянным, притягательным и жгучим объектом зависти Жанны была красота. Шквал чувств, которые она вызывала, был сродни множеству выстрелов отравленными пулями. Она была повсюду — красота на продажу, красота, которую еще никто, кроме Жанны, не увидел, и даже красота выдуманная.

Жанна покупала дамские романы в ярких обложках, читала описания внешности героинь, мучилась, как под пытками, но не могла оторваться. За книгами одной писательницы она охотилась особенно. Писательница вдохновенно и ярко описывала своих героинь, которые попадали в разные беды, но в итоге всегда находили счастье. Героини были исключительными красотками, вызывающими всеобщее вожделение.

Если бы Жанна могла, она бы нашла эту писательницу и заплатила ей за другой финал. Пусть она напишет, как эти проклятые красотки помирают в муках, как

понимают всю тяжесть своего преступления. Ведь это преступление — вызывать у всех сильные чувства. Но писательница продолжала создавать банальные финалы. Она всегда спасала своих злосчастных красавиц. И Жанна, дочитав очередной роман, который долго искала, швыряла книгу в окно, а сама задыхалась от никому не ведомых мучений, которые на пике, как самая острая боль, превращались в своего рода удовольствие. Такое «удовольствие», что Жанна наутро сползала с кровати, как муха, у которой оторвали крылья и лапки. Сил умыться не было, но оставались силы желать болезней и смерти самой писательнице, которая разбудила такой пожар в ее душе.

Жанна не была уродом. Наоборот: складная и симпатичная девушка. Но самая обычная, такие встречаются по десятку на пару квадратных метров. Она не выделялась, вот в чем проблема. Жанна ненавидела свою типичную внешность. Ведь никто не знал о том, что за глубокий, страстный, ни на кого не похожий человек за ней скрыт. Если бы природа расщедрилась на красоту, Жанна перевернула бы мир.

А так она просто иногда выбирала себе объект для дружбы и зависти. И все зрела в ней мысль: довести хоть кого-то до заслуженной участи. Незаметно, помножному вывести на точно рассчитанную тропу и принести в жертву собственной зависти. Досмотреть до конца и остаться в стороне. И подарить себе эту тайную, важную, переломную для своей судьбы победу.

Девочка с редким именем Таисия и громкой, известной фамилией Азорова пришла к ним в девятый класс. Тася была дочерью «колбасного короля», богатого и всемогущего. Конечно, перед ней стелились и учителя, и одноклассники. Такой кадр в обычной школе! А девочка была на редкость скромной и простой. И отец ее был таким же. Он привык и к своей власти, и к тому, что его дети сразу занимают везде особое положение, ничего для этого не делая. И Кирилл Азоров воспитывал их разумными и критичными к себе людьми. Никаких привилегий по сравнению со сверстниками. Умение ценить лишь свои собственные заслуги, а не то, что заработал папа.

Тася была бы отличницей в любом случае. Но она сама ценила лишь те пятерки, которые тяжело давались. Например, по языку и литературе, которые любила гораздо меньше, чем математику. Одевалась Тася едва ли не проще всех девочек в классе. Наряды ее мало заботили. Она не красилась, не носила украшений. Сверкала лишь той красотой, которую даровала природа, — хорошей кожей и блестящими волосами. Красота ее была не броской, не навязчивой, не липкой и не шоколадной. Чистый взгляд серых ясных глаз, русые локоны, розовые губы, всегда готовые улыбнуться...

Да, вот такой подарок получила зависть Жанны. Начиная завидовать хоть с начала, хоть с конца, и Жанна сделала свой выбор. Она легко стала лучшей подругой Таси. Жанна была умна, с необычным, сдержанным поведением, с редким умением находить нужные слова

в серьезных ситуациях и анализировать чужие поступки. Тася была доверчивой и открытой, лесть и подбодрение ей претили. В лице Жанны она нашла подругу, которую искала.

Шло время, промчались школьные будни, приблизился выпускной вечер. Со стороны казалось, что дружба девочек крепнет, становится почти родством. И Жанну никто бы не уличил в лицемерии. Его не было. Она действительно была ближе всех к подруге, потому что постоянно изучала ее. Она жила, дышала, преодолевала ночи и дни в терпком воздухе своей самой главной страсти, которая становилась все невыносимей. Это была страсть ожидания. Жанна ждала Тасиной беды. И очень боялась, что этого не случится. Боялась, что любимцы судьбы надежно защищены от всех напастей, которые достаются лишь обычным людям.

Небо послало Жанне то, чего она у него просила, так внезапно и в таком полном объеме, что она даже растерялась. Был момент, когда ее сердце дрогнуло от потрясения и жалости к Тасе. Но Жанна не ослабела: она отлично знала, что такие моменты проходят, люди оправляются от любых бед и взлетают на новый уровень своего великолепия, несовместимого с покоем Жанны.

Могущественные враги Кирилла Азорова затеяли организованную травлю с целью свергнуть «колбасного короля». Сначала была битва гигантов, только по одну сторону — он один, а против него — безжалостная стая. Азоров не сдавался, добровольного отречения в пользу

других не случилось. И наступил день, когда отца Тасю вывели из дома в наручниках после суточного обыска с привлечением соседей-понятых. За его спиной плакали младшие дети, металась в панике жена-домохозяйка, от которой требовали показаний против собственного мужа. И застыла в отчаянии Тася. Девочка на пороге своего большого, обустроенного и защищенного со всех сторон будущего в один момент стала отверженной. Толпа, которая вчера еще ее обожала, обрушила на Тасю шквал презрения. Такой поворот мог вынести сам Кирилл, но не его ясная, простая, доверчивая дочка. Он готовил ее к жизни в добром и справедливом мире.

Когда Тася вошла в класс после ареста отца, о котором трубили все каналы и газеты, к ней подошла только Жанна. Остальные даже не поздоровались, а глаз ненасытных не отвели. Так и шла дочь поверженного короля под любопытными и злорадными взглядами.

И все же Тася сумела победить свое первое отчаяние. Она точно знала одно: отец невиновен. И научилась ставить окружающих на место одной фразой. Тася по-видалась с отцом, поговорила с его адвокатами и, гордо подняв подбородок, проходила свое первое испытание. Она была уверена, что справедливость восторжествует. Так сказал папа.

Следствие тянулось, дело затягивалось, в нем явно обозначились две борющиеся стороны. Началась обильная утечка: речь шла о провалах и подтасовках обвинения. И никто не ловил любую информацию так жадно,

как Жанна. Ее воображение уже забегало вперед. Победившая принцесса и ползущие к ней на коленях со всех сторон холуи-предатели. Новый виток блистательной судьбы, которая станет лишь более устойчивой и заманчивой для других. А Жанне только и останется в очередной раз проклинать свою судьбу.

А пока она одна была рядом с Тасей. И очень уместно, осторожно, под нужным соусом доносила до подруги болезненную информацию. Где-то мелькнуло сообщение о том, что мать Таси видели нетрезвой. Без конца горе-репортеры ловили людей, которые за деньги продавали им сплетни из жизни семьи Азоровых. Бывшие домработницы, служанки, охранники — многие нашли время и место, чтобы поделиться воспоминаниями. Тасю эти разговоры ранили страшно, больше, чем обвинение отца. Обвинение может рухнуть под тяжестью доказательств, липкие сплетни останутся на поверхности скандала. А Жанна понимала, что это все не материал. Это не то, что окончательно успокоит ее зависть.

И вдруг случилось совсем уж невероятное. На один «желтый» канал притащили бывшую гувернантку детей, которую Азоров выгнал за воровство. Наглая девица в красном платье, с ярко накрашенными губами и нарисованными глазами поймала свой единственный шанс стать знаменитой и, скорее всего, богатой.

— Это вранье, что он меня выгнал за воровство, — заявила Клава Васильева, вольготно сидя в студийном кресле напротив ведущего. — Все наоборот: Азоров пы-

тался мне заплатить за молчание, а я не взяла. И ушла потому, что не могла больше выносить эту мерзость. Кирилл Азоров приставал к своей старшей дочери Тасе. И его жена об этом знала, потому и начала пить. Не скажу, конечно, что между ними было, но то, что отец к Тасе приставал, докажу.

— Тьфу, гадость! — сплюнул рядом с Жанной ее отчим Василий. — У них точно все провалилось, раз делают ставку на такую тухлятину.

А ставку действительно сделали. И все явно было заготовлено заранее. По заявлению Клавды Васильевой начали новую проверку: по факту педофилии. Опять обыски, но уже совершенно дикие. Из документов и альбомов Азорова изымали фотографии его детей и пачками отправляли на экспертизу по факту детской порнографии. Жену и детей допрашивали. С Тасей беседовали разные специалисты в присутствии врачей и психологов много раз. Впереди был осмотр у гинеколога и проктолога.

Девочка потеряла десять килограммов за неделю. Она ходила с застывшим лицом и совершенно белыми губами, но слез ее не видел никто. Жалоб не слышала даже Жанна.

Но накануне осмотра Тася ей позвонила сама:

— Жанна, ты мне нужна. Только ты мне нужна. Я тебе верю. Только тебе. Ты можешь мне помочь. Приходи, пожалуйста, к нашему подъезду. Это займет немного времени.

Жанна шла, а сердце ее бешено колотилось в ребра. Оно почувствовало, что это финал. Тася встретила ее, благодарно жала руку холодной ладошкой и повела в подъезд своего семнадцатизэтажного дома. Вызвала лифт, но нажала кнопку не своего пятого этажа, а семнадцатого.

— Чтобы никто нас не видел и услышал, — объяснила она Жанне.

На последнем этаже они вышли на открытый общий балкон. День угасал и тонул в солнечном кровавом море.

— Жанна, ты моя единственная подруга, сейчас ты мой главный и родной человек. Сразу скажу: ты не сможешь изменить мое решение. Ты можешь только помочь мне в самом важном деле жизни. Я все очень понятно написала. Это для них. Для всех. А тебе объясню просто. То, что они сейчас придумали в войне против папы, невозможно преодолеть словами. Они завтра увидят только одно: то, что я девочка. А вся эта грязь останется. Папа, может, и справится. А меня она уже утопила. Ты понимаешь, что такое Интернет. Я со своей фамилией и внешностью не спрячусь даже на необитаемом острове. Это меня достанет везде. Об этом будут знать все люди, все мужчины. Об этом узнают мои дети, папины внуки. И кто-нибудь обязательно будет говорить, как это всегда бывает: «Ну, тогда просто не доказали». Это можно прервать только одним способом — вместе со мной. В этой бумаге я клянусь своей чистой жизнью и такой же